

Мария Зайцева

ЛЮБИМАЯ
УЧИТЕЛЬНИЦА

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
3-17

Зайцева, М.

З-17 Любимая учительница / М. Зайцева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 248 с. — ((Не) совершенная любовь).

ISBN 978-5-521-90937-7

Я преподаватель, у меня отличное место работы и карьера в перспективе. Я молода, красива, активна. Голоса моих любовников удаляются все дальше, и я знаю, куда они идут. На занятия по русской литературе, которые веду у них я. И как я так попала?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90937-7

© Зайцева М., 2021
© Савицкая Э., оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

1.

-Татьяна Викторовна, задержитесь, пожалуйста!

Голос проректора тормозит меня уже на входе из актового зала, где проходил большой педсовет университета.

Лена, преподаватель кафедры философии, моя коллега и подруга, посмотрела сочувственно, подмигнула, дескать, держись.

Ага, держусь...

Березинский дожидается, пока все выйдут, спускается со сцены, подходит, несколько интимно прихватив меня за локоток.

Вот не люблю я этого!

И проректора тоже не люблю. Липкий, масляный какой-то. С начала года учебного все посматривает на меня, ходит кругами, как акула, кровь почуявшая, но еще не решающаяся напасть.

Сначала прикусит, чтоб самой одуреть сильнее и страх потерять.

Ни минуты бы с ним не разговаривала, но начальство же. Надо по крайней мере выслушать.

— Татьяна Викторовна, вопрос по Алиеву...

О! Началось!

— Виталий Геннадьевич, если вы о его успеваемости, то ничего добавить дополнительно к тем словам, что слышали от меня его родители, не могу. Я не буду ставить зачет просто так.

— Не просто так, Татьяна...

Опять за локоть схватил! Да что же это?

Я резко высвобождаюсь, выхожу из зала, твердо намереваясь закончить разговор, но проректор догоняет.

— Татьяна Викторовна!

Ну все! С меня хватит!

Я разворачиваюсь к нему, уклоняясь от очередной попытки сокращения дистанции, и припечатываю, негромко, но отчетливо, и, как надеюсь, доходчиво:

— Я прекрасно понимаю все эти ваши «не просто так», и ничего общего с ними иметь не желаю! И с семьей Алиевых тоже! Либо он сдает мой предмет, как положено, либо я ставлю ему незачет. А уж как вы дальше будете с ним взаимодействовать, мне все равно. Я очень рада, что литература у них закончилась, и больше я у него ничего вести не буду. А теперь, извините, у меня перерыв заканчивается, а мне надо успеть до второго корпуса дойти.

Я разворачиваюсь и, пока проректор не придумал еще повода меня задержать, быстро иду по уже опустевшему к вечеру коридору университета.

Разговор этот неприятный я сразу выкидываю из головы, настраиваясь на работу. У меня еще две вечерних пары на физкультурном, у выпускников. И это будет напряженно. Надо собрать все душевные силы, потому что с некоторых пор вести занятия у них мне было крайне тяжело.

И совсем не литература тому причиной.

Поглощенная внутренней душевной настройкой, я не особо отслеживаю ситуацию вокруг.

И очень, очень зря!

Потому что, когда внезапно открывается дверь химической лаборантской, я успеваю только вздрогнуть и открыть рот.

На губы мне сразу же падает здоровенная жесткая пятерня, другая такая же лопата обхватывает талию, и следующий судорожный вдох я делаю уже в полутьме лаборантской.

Видно плохо, но, собственно, и разглядывать-то нечего.

Тяжелый выдох в шею, ощущения жёсткого жилистого тела за спиной, разбитые лапы дзюдоиста. Глеб.

Шевельнувшаяся, до этого совершенно неразличимая во тьме, мощная медвежья фигура борца-супертяжа, обманчиво медленно двинувшаяся от окна, жадный отблеск темных горячих глаз. Давид.

— И че это такое, бляха муха, происходит, а, Татьяна Викторовна?

Голос Давида, обычно низкий и гулкий, сейчас звучит тихо и страшно, заставляя и так громко стучащее сердце заходиться в оглушительно частом биении.

— Ага... — Глеб тоже шепчет, хрипло, интимно, ладонь его на талии сжимается сильнее, рывком притягивая меня к паху. И да, там уже тоже все очень жестко. — Юбки одеваем обтягивающие, с разрезами, бл... Каблуки... Прически делаем... А мы с Давой с утра все думаем, для кого же нарядилась Татьяна Викторовна, а? А теперь понятно, для кого... Конечно, проректор — фигура нажористая...

— И давно? — Давид подходит еще ближе, полностью заслонив собой неверный свет фонарей из окна.

Я мычу, мотаю головой, как бы намекая на то, что мне и слово можно дать, раз уж спрашивают, но жесткие пальцы словно железные, а шея получает предупреждающий остро-возбуждающий укус.

Тело тут же простреливает удовольствием прямо от места, куда впиваются зубы Глеба, до кончиков пальцев на ногах, и я не могу сдержать крупную дрожь. Ее, конечно же, сразу замечают.

Я стону сквозь сковывающие мой рот пальцы от еще одного укуса, теперь уже в плечо, все это время не отводя ошалелого взгляда от бешеных глаз Давида, что подходит совсем близко и устраивает тяжеленные ладони на мою грудь.

— Красивая блузка... — шепчет он, глядя, впрочем, не на грудь, а в лицо мне, гипнотизируя.

Пальцы его жестко и умело массируют мягкую плоть прямо через ткань рубашки и кружево бюстгальтера. От этих движений го-

лова кружится и путаются мысли, а то, что Глеб покрывает мягкими укусами мою шею и плечи, продолжая ритмично вдавливать в себя, потираясь своей твердостью о дрожащие от напряжения бедра, только добавляет градуса происходящему безумию.

— Жаль будет рвать... — Я опять отчаянно мычу сквозь ладонь Глеба, в ужасе от мысли, что мне придется идти на занятия в рваной блузке, или отменять их уже, к чертовой матери, когда Давид, оставив мою грудь в покое, обеими ладонями одновременно двигает вверх, проводит по шее, выше, и, зафиксировав подбородок, чтоб не отвела глаз, жестко прихватывает за волосы, уложенные в аккуратную шишку на затылке, тянет вниз, тем самым открывая губам Глеба дополнительный плацдарм.

Глеб к тому времени уже освободил мой рот, но сказать я ничего не успеваю.

Давид наклоняется и накрывает мои губы поцелуем, глубоким и долгим, после которого дыхание восстанавливается далеко не сразу, а ноги окончательно перестают держать. Впрочем, это вряд ли кто-то замечает. Упасть мне все равно не дают.

В голове плавает так, будто начались провалы в какое-то другое измерение, где время растягивается до бесконечности, а мозг этого не фиксирует.

Потому что я не понимаю, куда пропало то время, когда меня раздевали.

Раз — и я уже без блузки, и лифчик болтается на талии, а Давид легко подхватывает под бедра, которые (сюрприз!) уже не скованы узкой юбкой, потому что она тоже на талии.

— Чулки? — голос Давы похож на рычание медведя, — сука, точно не просто так!

Я цепляюсь за широченные плечи Давида, пытаюсь найти хоть какую-то опору, а Глеб, прижимаясь ко мне со спины еще теснее и проводя грубыми ладонями по широко раскинутым бедрам, обнимающим талию его приятеля, и нащупывая широкую резинку чулков, шепчет по-змеиному страшно:

— Ты ответишь за это, Татьяна Викторовна...

Жестко впивается в мой рот твердыми губами, ловя невольный крик от резкого проникновения, и я, зажата между их горячими телами, одновременно плачущая от боли и звенящая от возбуждения, понимаю, что да, отвечу. И еще не раз отвечу.

Я дурею от глубоких размашистых толчков, хриплого рычания одного и накладывающегося на него многообещающего шепота другого, забываясь в бешеном удовольствии буквально через две минуты и утаскивая за собой стискивающего бедра до синяков в момент оргазма Давида.

Оргазма, которым мне не дают в полной мере насладиться, потому что Глеб дергает к себе, даже не разворачивая, просто одним слитным движением ставя так, как ему надо, и врываясь в глубь моего все еще дрожащего от отголосков невозможного удовольствия тела, и привычно держа меня за горло, чтоб контролировать каждый вдох.

Давид, пытаясь отдышаться, все так же прижимается, не убирая руки с талии, придерживая и даже слегка насаживая на Глеба, не отпускает мой плывущий взгляд, жадно ловя в нем зарождение нового взрыва, и, когда я, изнемогая от невозможности больше сдерживаться, изгибаюсь так, что еще немного, и в талии переломилась бы, он смотрит на Глеба, и тот, повинуясь сигналу, резко поднимает меня к себе, все так же сдавливая горло, отчего голова совсем отключается, и на глаза падает красно-дымчатое марево. Я раскрываю губы в крике, который тут же выпивает приникший ко мне Давид, не выпуская до тех пор, пока не утихают наши последние слитные, на троих, волны удовольствия.

Потом я еще стою какое-то время, зажата между ними, понимая, что, стоит ступить на пол, и упаду сразу же, а мужчины лениво и удовлетворенно ласкают шею, плечи, грудь губами, облизывают мокрые щеки и виски.

Я все еще в трансе от произошедшего, но парни приходят в себя быстрее, в четыре руки споро вытирая влажными салфетками следы

своих бесчинств, натягивая обратно на бедра юбку, застегивая лифчик и чудом сохранившую все пуговицы блузку.

К этому времени я прихожу в себя настолько, чтоб, нахмурившись, вывернуться из их лап и дрожащими пальцами попытаться вернуть развороченной прическе строгость и аккуратность.

— Ну прости, Татьян Викторовна, — немного смущенно басит Давид, как всегда, мягкий и добродушный после секса, утративший весь свой бешеный напор. Теперь его можно ложкой на масло мазать, такой податливый. Медведище. — Просто, как с утра тебя увидели, в этой юбке, так весь день насмарку, блин.

— Ага, — вздыхает Глеб, без боязни лапая меня к себе и шумно дыша в шею. Он тоже утихомирен, хотя таких разительных перемен, как с его приятелем, не происходит. Всегда на взводе, как жесткая пружина. И не дай бог, в вашу сторону развернет ее. — Ну ты сама хороша. Да еще и с этим придурком обжималась, прям еле выдержали.

— Да, кстати, а какого хера? — Давид, вспомнив о сцене, которую они, заразы, оказывается, подсмотрели, поднимает голову, за мгновение превращаясь из ручного мишки в неуправляемое животное.

— Отстаньте, — отхожу на безопасное расстояние, бурчу невнятно, потому что рот занят шпильками, мысли еще основательно не в голове, а мне работать, и вообще... — По рабочим вопросам общались, вас не касается...

— Ошибаешься, Татьян Викторовна, — Глеб делает шаг ко мне, но я начеку, и отпрыгиваю к двери, — он тебя за руки хватал, мы видели. И смотрел.

— Да на меня много кто смотрит, — я немного прихожу в себя, уложив волосы и приведя одежду в надлежащий вид, и перехожу в наступление, — и что теперь? Вы что устроили сейчас? У меня еще пары!

— Да мы в курсе, — усмехается Давид, остывая, застегивая рубашку на широченной груди.

Я на какое-то время подвисяю, разглядывая, как медленно он это делает... Стриптиз наоборот. Почему-то возбуждает еще больше.

Но затем прихожу в себя.

Соберись, тряпка! Ты — преподаватель! Филолог!

Мерзкий внутренний голос не вовремя просыпается, чтоб язвительно хихикнуть, но я его мысленно затыкаю кулаком. Нет уж. Надо настроиться.

— Потом поговорим, выходите первые, — командую я, получая хотя бы небольшое моральное удовлетворение после произошедшего. И они выходят.

Правда, перед этим не забыв по очереди поцеловать меня так жарко, что ноги опять дрожат и норовят подогнуться.

Но я не подаю вида, только незаметно морщусь, когда слышу их удаляющийся в темноте коридора разговор:

— Бляха муха, ну теперь хоть сидеть можно будет две пары, а то вообще хреново было... — Это Глеб.

— А этого козла еще разъясним, — это Давид.

Я обессиленно прижимаюсь к стене лаборантской, давая себе минуту слабости. Больше нельзя. Надо собраться, привести мысли в порядок и идти работать.

Я преподаватель, у меня отличное место работы и карьера в перспективе.

Я молода, красива, активна.

Голоса моих любовников удаляются все дальше, и я знаю, куда они идут. На занятия по русской литературе, которые веду у них я.

И как я так попала?

2.

Сейчас я часто думаю, когда все началось?

В какой момент моя распланированная, налаженная жизнь полетела в тартарары?

И прихожу к выводу, что, наверно, сразу же.

С первого дня, когда я пришла работать в этот университет.

Первое сентября в университете, по сути своей, мало чем отличалось от первого сентября в школе. Даже линейка была и торжественные поздравления ректора и проректоров.

Я немного потерялась в толпе студентов и опоздала.

На нервах не сразу нашла Юрку.

Юрий Станиславович, Юра, мой бывший однокурсник, а нынешний коллега, и, как некоторые считали, практически жених, встретил, как и обещал, на крыльце, протасил в коридор и на второй этаж, к кафедре филологии.

— Тань, ты, главное, не стесняйся, — жизнерадостно вещал он, поминутно с кем-то здороваясь, кому-то пожимая руки, улыбаясь, кивая, отвечая на приветствия, — все уже в курсе, кто ты, так что...

— Прекрасно просто... — Убито пробормотала я.

Все в курсе, значит. Теперь не избежать косых взглядов и поджатых губ, типа «паанаехали, панимаешь»...

Юра толкнул дверь кафедры, шум голосов мгновенно смолк, на меня уставились несколько пар глаз. Я выпрямила спину, хотя колени предательски дрогнули. Ну ничего, юбка длинная, незаметно. Я надеюсь.

— Коллеги, это Татьяна Викторовна! Новый преподаватель русской литературы.

Мне улыбнулись, и даже, отчасти, приветливо. Я подавила тяжелый вдох. Да, это будет непросто.

Стол мне выделили рядом с дверью (само собой), но я и этому была рада. Поставила сумку, посмотрела на часы.

Отличие первого сентября в университете от школы еще в том, что занятия начинаются сразу же. Без всяких там классных часов, походов в ближайший парк, кафе и другие места, куда так любят ходить школьники. И мои пары начинались через пятнадцать минут.